

**«ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ МОСКВЫ В ПЕТЕРБУРГ»
А. С. ПУШКИНА (К ПРОБЛЕМЕ КОМПОЗИЦИИ)**

Есть некоторая общая тенденция в довольно обширной литературе о «загадочном» и «таинственном» (так обычно называют его) пушкинском «Путешествии из Москвы в Петербург»¹: оно рассматривается по преимуществу со стороны своей социально-политической проблематики. Напряженность идеологических споров, заданность и некоторая альтернативность ситуации («за» Радищева или «против» него) постепенно заслонили от исследователей все остальные вопросы. Думается, что переключение проблемы «Пушкин и Радищев» в иную плоскость позволит со временем возвратиться к старой полемике, но уже на новом уровне.

Как известно, ни в черновой, ни в белой рукописи очерк Пушкина не имел названия, и заглавие «Путешествие из Москвы в Петербург» (в соответствии с маршрутом героя и по аналогии с «Путешествием» Радищева) появилось только в изданиях советского времени². Однако сама мера связи, степень соотнесенности двух текстов мыслятся исследователями по-разному. Эта взаимосвязь бесспорна для В. П. Семенникова (хотя и не доказана им)³ и чрезвычайно сомнительна для Б. С. Мейлаха⁴.

Своеобразным ключом к уяснению действительной связи двух «Путешествий» является композиция текста.

«В Черной грязи, пока переменяли лошадей, я начал книгу с последней главы и таким образом заставил Радищева путешествовать со мною из Москвы в Петербург»⁵, — пишет Пушкин. Для подобного прочтения радищевского «Путешествия» как будто бы есть мотивировка — особенности композиционной структуры текста: «Радищев написал несколько отрывков (...). В них излил он свои мысли безо всякой связи и порядка» (11, 245). Произвольность чтения — в черновой рукописи она декларируется открыто: «Ра-

дищев написал несколько отрывков безо всякой связи и порядка. Вы можете читать их как вам угодно» (11, 457) — воспринимается как естественное следствие неспаянности глав. И тем не менее чтению в любой, произвольной последовательности противопоставлена определенная система — чтение «с последней главы». В беловой рукописи снимается и самая возможность иного прочтения текста.

Другое направление, в котором идет работа над черновой редакцией текста, связано с отказом от конкретных реалий «Путешествия». Единственная бытовая подробность, сохранившаяся в беловой редакции, содержится в главе «О цензуре»: «Расположась обедать в славном трактире Пожарского, я прочел статью под заглавием «Торжок» (11, 263).

«Путешествие из Москвы в Петербург» — мнимое, воображаемое путешествие. Об этом свидетельствует и сама система названий глав очерка, фиксирующих прежде всего тот аспект проблематики радищевской книги, который оказывается на первом плане для ее читателя («Браки», «О цензуре», «Слепой»). Указание на реальность маршрута героя дается лишь иногда — и в качестве дополнительного признака — «Медное (Рабство)».

Композиционный принцип «Путешествия» — чтение книги, а не передвижение в пространстве.

Но тогда почему так важно читать книгу Радищева именно «с последней главы»? Что дает для понимания художественной структуры текста сам принцип «обратного» чтения? Чрезвычайно многое, если учесть, что книга Радищева читается пушкинским героем не в первый раз: «Содержание его («Путешествия» Радищева. — Р. Л.) всем известно» (11, 245).

Пущенные в обратном порядке «кадры» движутся в некоем идейно-семантическом поле, представляющем собой весь текст — некогда освоенный и существующий в сознании читателя как объективная данность. Кадр в кадре — так можно определить ту единицу текста «Путешествия», которая возникает в процессе чтения книги Радищева. Точка зрения героя неизбежно накладывается на главу — кадр, отсекая, но не уничтожая неважное для него в данный момент. О субъективности восприятия книги Радищева свидетельствуют не только строгий отбор попавших в очерк Пушкина фактов, но и объем цитируемого текста (от слова или словосочетания — «градодержателей», «дрожащей рукой» — до довольно обширных массивов текста), степень

графической выделенности его (например, курсив, т. е. типографски эквивалентная замена кавычек).

Сущность этого явления — кадр в кадре — не только в постоянной соотношенности глав — кадров (принципы монтажного построения «Путешествия» Пушкина совершенно очевидны), но и в обилии отсылок ко всему, т. е. прежде всего к еще непрочитанному в данный момент тексту.

В подобной функции чаще всего выступает «чужое слово»⁶. Так, глава «Шлюзы» (pendant к «Вышнему Волочку» Радищева) — своеобразная контаминация, монтаж цитат, восходящих одновременно к двум главам радищевской книги — «Вышний Волочок» и «Зайцево». О связи с первой говорит обширная цитата из главы «Вышний Волочок», на связь со второй указывают скрытые цитаты, например перифразированная цитата из «Зайцево». «Он был тиран, но тиран по системе и по убеждению, с целью, к которой двигался он с силою души необыкновенной, и с презрением к человечеству, которого не думал и скрывать»⁷ (11,267). Концовка «Шлюзов»: «Он был убит своими крестьянами во время пожара» (11, 267) — отсылает читателя сразу к двум главам-источникам и представляет собой цитату-синтез.

Еще более сложную амальгаму своего и чужого текста представляет глава «Шоссе». Воспринимаемая как своеобразное вступление к «Путешествию», она имеет непосредственный аналог в книге Радищева — главу «Выезд» (примечательно, что, с точки зрения пушкинского героя, эту главу он должен читать последней). А между тем в сознании читателя «Шоссе» ассоциируется сразу с несколькими непрочитанными главами книги Радищева. «Зимом ли ехал или летом, для вас думаю равно. Может быть и зимою и летом. Нередко то бывает с путешественниками, поедут на санях, а возвращаются на телегах» (1,232), — пишет Радищев в главе «Любани». Эта заведомо предположительная ситуация становится для Пушкина канвой, по которой вышиваются подробности реальной поездки героя пятнадцатилетней давности: «...я купил тогда дешевую коляску и с одним слугою отправился в путь (...) путешествие наше было неблагоприятно. Проклятая коляска требовала поминутно починки. Кузнецы меня притесняли, рытвины и местами деревянная мостовая совершенно измучили. Целые шесть дней тащился я по несносной дороге и приехал в Петербург полумертвый (...) и по зимнему пути возвратясь в Москву, с той поры уже никуда не выезжал» (11, 243). Рассуждения о дорогах и

лошадях, жалобы на рытвины и деревянные мостовые создают в восприятии читателя ощутимые связи и с главами «Выезд», «Тосна».

Значительно больший круг глав-источников связан с рассуждениями о скучной книге: «Я просил у него («приятеля». — Р. Л.) книгу скучную, но любопытную в каком бы то ни было отношении»(11,244) и др. Понимаемое буквально не как цитата, вне связи с самооценкой Радищева, polemичной по отношению к литературе интриги⁸, это высказывание становится для Б. С. Мейлаха и М. П. Еремина основанием для создания сюжетов, никак не вытекающих из «Путешествия» Пушкина. Таков, прежде всего, сконструированный этими исследователями образ путешественника, барина, крепостника, ортодокса⁹.

«Путешествие из Москвы в Петербург» — диалог, спор, в котором единственным попутчиком, «дорожным товарищем» (11,484) названа крамольная книга Радищева. Но открыто и сознательно провозглашенное «двуголосие» текста столь же мнимо и обманчиво, как и само путешествие пушкинского героя — воображаемое, а не действительное. Этот «другой», противоположный Радищеву голос, голос оценивающий, возражающий, сомневающийся и соглашающийся, оказывается внутренне не цельным. Он распадается, раскалывается на множество других, не названных, но реально присутствующих голосов, создающих в совокупности своей как бы ослабленный и вошедший внутрь монологического высказывания героя диалог. В неоднозначности взгляда и многоракурсности изображения, в свободной открытости «я» «Путешествия» «чужому слову» — специфика позиции повествователя.

В его видение вовлечены различные, — прежде всего, идеологически и эстетически — мнения, современные герою и отдаленные от его эпохи значительной дистанцией. Его взгляд на «Путешествие из Петербурга в Москву» — история восприятия, оценки книги несколькими поколениями друзей и оппонентов, «сочувственников» и судей, от современников Радищева до людей 1830-х годов.

В «Путешествие» врывается голос Радищева, измученного допросами, страдающего от одиночества, сознания вины перед детьми, но неумолимо твердо и последовательно игравшего ту трагическую роль, которая казалась ему единственно возможным тактическим ходом, — роль безумца и сумасшедшего. «Изречения моей книги дерзновенны, но в

безумии¹⁰ моем не мнил оскорбить никого...»; «...писал так дерзко, могу истинную сказать, по сумасшествию¹¹ на то время», «совершенное безумие» «...сколь много в ней (книге, — Р. Л.) безумнаго; «разум (..) в расстройке¹² — именно к этим самооценкам «повинной» Радищева восходят суждения пушкинского героя о нем: «...обошелся со славою Люмоносова гораздо осторожнее, нежели с верховной властью, на которую напал с такой бездумной дерзостью» (11, 248).

За «осколками» скрытых цитат из «Замечаний Екатерины II на книгу А. Н. Радищева», «Решения Государственного (Непременного) Совета», инкорпорированных в авторский текст, — атмосфера процесса Радищева, реакция императрицы, следствие, суд, приговор. Иногда эти вкрапления «чужого текста» обособлены от авторского, выделены графически. В главе «Русская изба» вслед за известным пассажем: «Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений...» идет фрагмент резко контрастный по тону: «У нас нет ничего подобного. Повинности вообще не тягостны. Подушная платится миром; барщина определена законом; оброк не разорителен (кроме как в близости Москвы и Петербурга, где разнообразие оборотов промышленности усиливает и раздражает корыстолюбие владельцев). Помещик, наложив оброк, оставляет на произвол своего крестьянина доставать оный, как и где он хочет. Крестьянин помышляет чем вздумает и уходит иногда за 2000 верст выработать себе деньгу...» (11,257). Многооточие, обрамляющее это высказывание, строго и четко определяет границы «чужого слова», фиксирует самый момент включения в связный монологический контекст иного субъекта, сигнализирует пропущенную ремарку. «У нас нет ничего подобного», — за столь категоричным утверждением слышится безапелляционное мнение императрицы: «...лучшее судьбы наших крестьян у хорошова помещика нет во все вселенной»¹³.

С этой крайней (имеется в виду восприятие книги во времени) оценкой «Путешествия» Радищева соотносится официальное мнение 1830-х годов. Примечательно, что выразителем его становится у Пушкина Греч.

«Поездка в Москву» Греча¹⁴ противостоит «Путешествию из Петербурга в Москву» не только своими выводами, за которыми проницательный читатель угадывает постоянную ориентацию на радищевский текст («Курных изб не видал я

на всей дороге»), но и самим выбором материала. «Поездка в Москву» строится на некоей сознательной игре со знакомым, освещенным в сознании читателя определенным социальным смыслом. «Но что значит нынешний Новгород в сравнении с старинным?» — как будто бы возникшая антитеза настоящего и прошлого («старины», т. е., прежде всего, вольности, республики, с точки зрения Радищева) тут же сглаживается, переводится в иной, социально не отмеченный регистр, подменяется чисто внешним противопоставлением: «На пространстве трех верст, по дороге, представляем взором путешественника развалины церквей, находившихся некогда в середине города». В системе этих постоянных ассоциативных связей с «Путешествием» Радищева самое умолчание или безразличие перестает быть нейтральным моментом, приобретает особую идеологическую значимость: «О Твери не могу сказать ни слова»; «Валдай, Торжок, Вышний Волочек, с их баранками, колокольчиками и сафьянным товаром, не очень занимают путешественника»; «Посмотрим на маршрут: Городня, Завидово, Клин, Подсолнечная, Черная грязь—Москва! Москва! Уже не далеко»¹⁵. «Путешествие из Москвы в Петербург» Пушкина улавливает и обнажает этот полемический подтекст, возвращая ему скрытую оппозиционность и подавая ее крупным планом. Позиция повествователя совсем не так однозначна¹⁶. Не случайно некоторые формулы пушкинского героя: «Великолепное моск<овское> шоссе начато [по] повелению им<ператора> Александра; дилижансы учреждены обществом частных людей. Так должно быть и во всем: правительство открывает дорогу, частные люди находят удобнейшие способы ею пользоваться» (11,223) — кажутся своеобразным резюме рассуждений Греча («Правительство сделало и делает в пользу проезжих все, что можно; но улучшения, требуемые удобством и прихотями роскоши, зависят <...> от соразнования промышленности <...> Россия находится в периоде возрастания»)¹⁷.

Анализируя столь парадоксальные «совпадения», Б. П. Городецкий пишет: «Все эти сопоставления приведены только для того, чтобы подчеркнуть сознательное стремление Пушкина всемерно усилить впечатление общности суждений своего путешественника с суждениями самых «благонамеренных» общественных кругов»¹⁸. Но ведь именно пушкинскому путешественнику принадлежат сентенции, в которых исследователи видят реминисценции из дневника Н. И.

Тургенева, проекта докладной записки Бенкендорфу П. Я. Чаадаева, правительственных указов, путеводителей по Москве, статей «Московского телеграфа», писем Вяземского и, наконец, самого Пушкина¹⁹. Столь сложная, «многоголовная» структура текста была единственно возможной на том этапе развития художественного сознания Пушкина, когда «главным объектом внимания стал не тот или иной «носитель» истины, «персонально» ею обладающий, а проблема в ее реальной многосторонности, в ее «диалогическом» существовании, в ее драме»²⁰ (курсив автора. — Р. Л.).

Сохранив сущность радищевской книги — ее диалогизм²¹, Пушкин изменил самые формы ведения диалога. То, что в структуре «Путешествия» Радищева, вобравшего в себя массу чужих голосов, было открыто и обнажено, жило в осязаемо четких «внешних» формах (письма, записки, трактаты, монологи героев, с которыми сталкивает путешественника дорога), ушло вглубь, растворилось в авторском высказывании. Это чисто внешнее впечатление единого монологического текста как будто бы поддерживается полемическим замечанием героя о боязни «разговоров с почтовыми товарищами» (11,244). Но отгороженность от мира, противопоставляемая позиции радищевского путешественника, обращенного к максимальным контактам с читателем и попутчиком, мнимая и нарочитая. Она нужна лишь как гарантия надежнейшего общения с книгой и условие сосредоточеннейшего чтения.

Исследователи уже давно обратили внимание на то, что в строгом повторении последовательности глав книги Радищева есть один пропуск — глава «Завидово». Это обстоятельство толкуется то как досадная ошибка, которая была бы непременно исправлена при завершении произведения²², то как выражение прямого авторского замысла: «Пушкин, вероятно, не думал о строгой последовательности глав; не только в черновике нет этой последовательности, но и в белой рукописи пропущена глава «Завидово»²³.

Отсутствие этой главы объясняется самим характером путешествия. Подобные «пропуски», равно как и «аналогичность» иного рода (путешественник посещает Пешки — станцию, которой на почтовом тракте Москва — Петербург во времена Пушкина не было), немислимые, с точки зрения логики факта, в реальном путешествии, естественны в «воображаемом». Ведь в сознании автора «Завидово» существует именно как глава, ее можно опустить при чтении²⁴.

Но почему единственный в тексте «пропуск» связан именно с этой главой «Путешествия» Радищева? «Завидово» воспринимается как своего рода pendant к «Станционному смотрителю» А. С. Пушкина, связь с которым угадывается в предельной свернутости ситуации: «...но если не случится лошадей? ..боже! какие ругательства, какие угрозы посыплются на его голову!» (8,97). Эта связь пролеживается на уровне микроцитат, выполняющих функцию отсылок к радищевской главе, она возникает за многоточиями: «Генерал едет, не сказав ему спасибо. Через пять минут — колокольчик!.. и фельд-егерь бросает ему на стол свою подорожную!.. Вникнем во все это хорошенько...» (8,97). «Завидово» раздвигает границы пушкинского текста, просвечивая его конкретностью факта и подробностью описания. По-видимому, эту главу радищевской книги не стоило «перечитывать». «Завидово» не давало оснований для полемики, а выражение согласия, приятия столь очевидно и столь живо в сознании читателя, что повторение его не имело смысла. Итак, «пропуск» на месте возможного повторения. Но что дает эта замена для понимания художественной структуры «Путешествия из Москвы в Петербург»? Пропуск «активизирует» текст, за ним идут главы «Рекрутство», «Русское стихосложение», где резко возрастает объем цитации. Пробел дается в самом центре «монтажа кадров»: 6 до него и 6 после. Столь четкая композиционная отмеченность «пропуска» усиливает и без того значимую в пушкинском «Путешествии» маркированность «начала» и «конца».

«Путешествие из Москвы в Петербург» удивительно статично. Оно строится на сознательном нарушении некоего стереотипа читательского ожидания. Стремительно заданное началом первой главы движение: «Узнав, что новая московская дорога окончена, я вздумал съездить в Петербург, где не бывал более пятнадцати лет» (11,243), сменяется однообразной статистикой повествования. Но как будто бы остановившееся реальное время и предельно локализованное пространство (дилижанс, единственный выход из которого намечен в главе «О цензуре») — всего лишь оболочка, за которой скрывается действительное пространство и пульсирует действительное время в «Путешествии» Пушкина. «Некогда» — «ныне»; «бывало, в то время» — «нынче» (от 1662 г. — русская деревня в «Путешествии» Мейерберга — до 1833); «там» — «у нас»; «Россия» — «чужие края»; «везде в Европе» — «у нас» — вот те временные и простран-

ственные оппозиции, в которых измеряется и оценивается книга Радищева, а вместе с нею и современная Пушкину действительность.

Этому интенсивному внутреннему движению противостоит нарочитое отсутствие внешнего. Полное отсутствие движения — в «Путешествии» ничего не происходит, единственным событием в нем оказывается чтение книги Радищева — в свою очередь активизирует напряженность «начала» и «конца»²⁵, куда перенесены «происшествия». Несобытийность повествования, неподвижность кадров усиливают функциональную значимость случившегося. Факт обычный — поездка в Петербург — возводится в ранг события логикой бытия, 15-летней безвыездной жизнью московского домоседа. Это нарушение статики бытия, мотив дороги — движение и предчувствие перемен — открывают «Путешествие»: «...ныне, покидая смиренную Москву и готовясь увидеть блестящий Петербург, я заранее встревожен при мысли переменить мой тихой образ жизни на вихрь и шум, ожидающий меня; голова моя заранее кружится...» (11,245). Иного качества событийность завершает текст. Смерть помещика — «тирана по системе и по убеждению» (11,267), убитого 15 лет назад своими крестьянами во время пожара, — воспринимается как своеобразный итог «Путешествия». Примечательно, что этой же временной протяженностью — 15 лет — измеряется интервал между первой и второй поездками в Петербург, ставшими событиями в жизни героя.

Что несет с собой эта столь характерная для поэтики Пушкина симметрия «начала» и «конца» и не является ли неожиданный обрыв повествования, имитирующий стерновскую манеру концовки, такой же игрой в незавершенность, как и своего рода «мистификация» с путешествием героя из Москвы в Петербург? Незаконченность «Путешествия» Пушкина очень часто воспринимается буквально, как следствие цензурных препятствий. «...уже в процессе работы, — пишет В. П. Семенников, — Пушкин сознал невозможность провести эту статью через цензуру. И тогда он написал другую статью «Александр Радищев», где особенно резко подчеркнул свое отрицательное отношение к автору «Путешествия»²⁶.

Незавершенность «Путешествия», по-видимому, явление того же плана, что и незавершенность «Евгения Онегина»²⁷, — здесь может осознаваться и как еще одно дополнительное выражение связи с Радищевым, «Путешествие» которо-

го завершено не только во времени и пространстве, но и в «итоговости» добытых истин.

¹ Якушкин В. Е. Радищев и Пушкин. М., Изд. Общества истории и древностей российских при Московском ун-те, 1886; Сакулин Н. П. Пушкин и Радищев. Новое решение старого вопроса. М., «Альциона», 1920; Макогоненко Г. П. Пушкин и Радищев. — «Уч. зап. ЛГУ», № 33, серия филологических наук, вып. 2, Л., 1939, с. 110—133; Городецкий Б. П. «Путешествие из Москвы в Петербург». А. С. Пушкина. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. III. М.-Л., Изд. АН СССР, 1960, с. 218—267; Абрамович С. Л. Крестьянский вопрос в статье Пушкина «Путешествие из Москвы в Петербург». — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. IV. М.-Л., Изд. АН СССР, 1962, с. 208—236; Бочарова А. К. Традиции Радищева в очерках Пушкина «Путешествие из Москвы в Петербург». — В кн.: А. Н. Радищев, В. Г. Белинский, М. Ю. Лермонтов (жанр и стиль художественного произведения). Рязань, 1974, с. 3—21 и др.

² См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. VI, изд. 2. Ред. Ю. Г. Оксман и П. Е. Щеголева. М., ГИХЛ, 1934, с. 105—169.

³ См.: Семенников В. П. Радищев и Пушкин: (В связи с вопросом об историко-литературном и общественном значении Радищева). — В кн.: Семенников В. П. Радищев. Очерки и исследования. М. — Петроград, Гос. Изд-во, 1923, с. 253, 255.

⁴ См.: Мейлах Б. Пушкин и его эпоха. М., ГИХЛ, 1958, с. 394—395.

⁵ Тексты Пушкина цитируются по Полному собранию сочинений, изд. АН СССР, 1937—1950, с указанием тома и страницы в скобках после цитаты.

⁶ См. об этом: Бахтин М. Из предьстории романного слова. — В кн.: Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., «Художественная литература», 1975, с. 432—446 и др.

⁷ Ср. у Радищева: «Он был корыстолюбив, копил деньги, жесток от природы, вспыльчив, пошл, а потому над слабейшими надменен» (1,271—272).

⁸ См., например: «Но любезный читатель я с тобою закалялкался <...> Если я тебе пенаскучил...» (1,392); «Если читая, тебе захочется спать, то сложи книгу, и усни. Береги ее для бессонницы» (1,379) и др.

⁹ Мейлах Б. Пушкин и его эпоха, с. 398—399 и др.; Еремин М. Пушкин — публицист, М., ГИХЛ, 1963, с. 221 и др.

¹⁰ Здесь и далее курсив мой.

¹¹ Ср. в статье «Александр Радищев»: «Преступление Радищева покажется нам действием сумасшедшего» (12,32).

¹² Материалы судебного следствия цит. по кн.: Д. С. Бабкин. Процесс А. Н. Радищева, М.-Л., Изд. АН СССР, 1952, с. 170, 176, 178, 184, 188.

¹³ Замечание Екатерины II (гл. «Зайцево»). Цит. по кн.: Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева, с. 160.

¹⁴ См.: «Северная пчела», 1833, 6 июня, № 124. Начало работы Пушкина над «Путешествием» относится к декабрю 1833 г.

¹⁵ Сочинения Н. Греча, ч. V. Спб., 1838, с. 96, 95, 96.

¹⁶ О полемике Пушкина с Гречем см. указ. работу М. Еремина.

¹⁷ Сочинения Греча, ч. V, с. 97—98.

¹⁸ Городецкий Б. П. «Путешествие из Москвы в Петербург» А. С. Пушкина, с. 235.

¹⁹ Обширный и интересный материал по этому вопросу см. в статьях Б. П. Городецкого и С. Л. Абрамович.

²⁰ Непомнящий В. «Наименее понятный жанр». — «Театр», 1974, № 6, с. 9.

²¹ См.: Бочарова А. К. Опыт прочтения полемиического текста в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. П. Радищева. — В кн.: Вопросы литературы XVIII в. Пенза, 1972, с. 3—79.

²² Семенников В. П. Радищев и Пушкин, с. 253—254.

²³ Мейлах Б. С. Пушкин и его эпоха, с. 394.

²⁴ Кстати, основание для подобного «пропуска» дает сам Радищев: «Если читатель ты нескучлив, то читай, что перед тобою лежит. Если же бы случилось, что ты сам принадлежишь к цензурному комитету, то загни лист (курсив мой. — Р. Л.) и скачи мимо» (1,336).

²⁵ См. об этом: Лотман Ю. О моделирующем значении понятий «конца» и «начала» в художественных текстах. — В кн.: Лотман Ю. Материалы к курсу теории литературы, вып. I. Типология культуры. Тарту, 1970, с. 52—57.

²⁶ Семенников В. П. Радищев и Пушкин, с. 255.

²⁷ «...Пушкин всегда оставляет сам конфликт — в философском его смысле — незавершенным», а проблему — в философском смысле — «открытой», антиномичной, реальной в своей противоречивости», — пишет В. Непомнящий. — Непомнящий В. «Собирайтесь иногда читать мой свиток верный...» — «Новый мир», 1974, № 6, с. 252.